

НОВОСВЕТЛОВКА*

Светлане Мячиной

Виталий Митрофанович Молчанов родился в 1967 году в Баку. Окончил Московскую академию нефти и газа. Служил в армии. Печатался в «Литературной газете», в журналах «Дети Ра», «День и Ночь», альманахах «Лёд и пламень», «Паровозъ», «Гостинный Двор», «Башня», «Чаша круговая», в «Антологии русской поэзии XXI века» и др. Лауреат региональной литературной премии им. П. И. Рычкова (2014, 2020), премии им. С. Т. Аксакова (2014), премии «Оренбургская лира» (2014), Международного литературного конкурса им. А. И. Куприна (2016), Всероссийской премии им. Д. Н. Мамина-Сибиряка (2016), Волошинской премии (2016), победитель конкурса исторической поэзии «Словенское поле» (2018). Председатель Оренбургского регионального отделения Союза российских писателей, директор оренбургского областного Дома литераторов им. С. Т. Аксакова.

Пьют облака рассветы, красят
бледные дали.
Только бы тучи где-то в небе
не заплутали,
Вылили б дождь холодный
и остудили раны
Скорбной земли бесплодной,
ужас познавшей бранный.

Танками пропахали без
сожаленья нивы,
Зёрен бы вместо стали —
стал бы весь край счастливым.
Взорванного асфальта режут
по сердцу грани.
Голубь, исполнив сальто,
сгинул в густом тумане.

* 13 августа 2014 года украинские каратели вошли в посёлок Новосветловка Луганской области. Немало ополченцев попало в плен, некоторые из них были расстреляны, местные жители подверглись террору со стороны карательного батальона «Айдар»

Рядом слепые хаты, дыры
и гарь на стенах.
В этом посёлке каты с лютой
отравой в венах
Праздник справляли бесу,
смерти подняли веки:
Солью крутой — к порезу,
годных парней — в калеки.

Били, в лицо стреляли, вешали
и топили,
Будто любви не знали, матери
их не растили.
Холод вместо прохлады —
осени злая мета,
Близкой зимы засада:
нет ни тепла, ни света.

Выпьет рассвет обмана —
сгустки тумана в глотке.
Голубю в клетку рано, флаг
ЛНР на высоте,
Выше него бы к солнцу —
волю в лучах купаться.
Туча в ответ смеётся:
«С тьмой ли тебе тягаться?»

Снова между миром и войной
крыльями в небесный свод
стучится,
Прошлое оставив за спиной,
будущего раненая птица.
Нелюди, забывшие про стыд,
вырвавшие вековые корни,
Каждый клят, нет — проклят...
мят... не мыт... застыт свет
спасительный и горный.
Им плевать на слёзы чад и жён,
не тревожит матерей страданье,
«Гиацинт» злой волей заряжён —
в отчий дом прямое попаданье.

Голубь, распахни свои крыла,
защити, спаси родную землю!
Вновь в церквах разбиты
купола, вновь сердца чужому
горю внемлют.
Между миром и лихой войной...
Беззащитной школой и прицелом.
От обстрела редкий выходной.
И душа, расставшаяся с телом.

Можно прожить вслепую,
Вешать замки на двери
И, ни во что не веря,
Молча считать гроши.
Или в годину злую
Маленькой стать потерей
В битве больших империй,
Светом сверкнуть души.

— Бог, милосердный Боже,
Правых ведут на плахи...
Крылья певучей птахи
Сломаны дробью влёт.
Родины нет дороже.
Кару приняв металлом,
Преданный идеалам,
Верный, за них умрёт.

Там, в неизвестной выси,
Здесь, в неизвестном грунте —
Телу покой, до сути
Хочет душа дойти.
Живы стихи, в них мысли:
— Смерть моя не напрасна?
Стала ли жизнь прекрасной?
Счастье смогли найти?

Можно прожить, жируя,
Тявкать, что люди — звери,
Хитрым аршином мерить
К выгоде личной дни.

Ты так не мог, впустую.
Смело шагнул за двери,
Став роковой потерей —
Светочем для семьи.

...она молила извергов:
«Не надо, я маленькая»,
Худенькую спину стирая
о жёсткий матрас,
Спутанные волосы на диванном
валике,
Мокрые от пота...
Крики закрытых глаз.

Её никто не слушал, прижав
коленями руки,
Только ножонки дёргались
птицами в злых силках.
Первый, второй, двадцатый...
Нескончаемо длятся муки,
Она отделилась от тела, забыв
про стыд и про страх.

Сороковой... Когда внутри
проникла монтажная пена,
Она была ещё жива.
В свои четырнадцать лет
Разорванная, окаменевшая.
В крови обои на стенах —
В алой крови Богородицы,
чище которой нет.

И людская и Божья ждёт
насильников кара,
Пусть будет она страшнее всех
существующих кар.
...на дверце шкафа — молний
запараллеленных пара
И штык-ножом вырезано:
«Новосветловка» и «Айдар».

Был бы птицей — пел бы песни
соловиным языком
Всё заливицей, чудесней,
вдохновением влеком.
Пел бы дому, пел бы саду,
речке быстрой и мосту.
Но вчера попал в засаду —
повязали на посту.

Мыслью — в небо, носом —
в камень новосветловской земли,
Снайпер острым глазом славен —
опознали, повели.
Били так, что еле помню, как
я встал тогда с колен,
Кровь утёр с лица ладонью...
Смерть меня ждала, не плен.

Был бы в силах — спел бы песню
на орлином языке,
Духом — ввысь, минуя веси,
горы, степи вдалеке,
И пришла б на помощь стая
славных родичей-орлов,
Разбежалась б нечисть злая,
разорившая мой кров.

БТР взревел и дёрнул —
натянулся чёрный трос,
Ополченцу прямо к горлу
он петлей-змеей прирос,
Разрывая плоть на части,
красную впитал струю...
В небе, жаворонок, властвуй,
Богу скорбь неси свою.

Пусть душа услышит песню
вновь на русском языке,
Прилетели с доброй вестью
птицы в рай не налегке:
В трелях их и боль, и отклик,
клёкот — плачи матерей,
И замученного подвиг,
и свобода у дверей!

